

Но я думаю, что, возможно, мои похороны тоже организует он — он так любил это **сердце. Наверное, это первый раз, когда он оказался в таком беспомощном положении: не смог вылечить своего пациента и не уберёт собственное сердце. Поэтому я надеюсь, что вы не станете винить его. Дело не в его некомпетентности — просто я был безнадёжен.

Что значит «безнадёжен»? Проще говоря, мне оставалось выбирать лишь между убийством и самоубийством.

Господин Пэн был очень хорош. Уверен, вы не станете его винить.

Разумеется, это и не ваша вина. Ваше воспитание не было ошибочным — просто я с рождения носил в себе эти желания. Поэтому, пожалуйста, не читайте тех исследований по детской психологии, где говорится, что развитие ребёнка неразрывно связано с родительским воспитанием, а корни депрессий и прочих расстройств всегда лежат в семье... Хотя в этом и есть доля истины, наша семья — иной случай.

Вы были хорошими родителями. Даже когда я был таким, вы не испугались меня, не бросили, а отправили лечиться. Хотя перед вами был уже приукрашенный вариант меня, но и он, наверное, был вам неприятен. Так что спасибо вам за вашу заботу.

И последняя просьба: позаботьтесь о себе и о моих будущих братьях и сёстрах. А потом... забудьте обо мне.

И передайте, пожалуйста, ещё одно письмо господину Пэну.

Сюй Юань

«На самом деле я потом узнал, что ты психотерапевт. Но я всё равно хотел, чтобы ты играл со мной. Наверное, будь на твоём месте кто-то другой, пытаюсь сделать из меня нормального человека, я бы не только не слушался, но и чувствовал бы отвращение. Ты был настолько хорош, что я с самого начала тебя не отвергал.

Я не мог контролировать желание убивать. Поэтому оставалось лишь убить себя.

Это не твоя вина. Ты был прекрасен.

В следующей жизни я буду хорошим ребёнком. И тогда я снова найду тебя, чтобы поиграть.

Мои родители не подадут на тебя в суд. Достоинств у них немного, но они хотя бы не станут придирааться понапрасну. Они забудут меня и начнут новую жизнь.

Ведь им просто был нужен ребёнок. Они любили своего сына, а не меня — и другой ребёнок подошёл бы так же. Поэтому у меня никогда и не возникало желания измениться ради них. Мне даже казалось, что они надоедливы. Но я знал, что ты любишь меня. Ты любил именно меня, безо всяких условий.

История болезни конфиденциальна, верно? Поэтому не бросай профессию, не впадай в уныние. Просто считай, что у тебя не было такого пациента. Остайся великим психотерапевтом.

Я не разочаровался в этом мире — благодаря тебе. Поэтому я считаю, что твоя терапия удалась. Так что, пожалуйста, не думай обо мне, иначе я не смогу переродиться и стать хорошим ребёнком.

Я найду тебя. Если запомню — обязательно увижу и назову тебя папой.

Поэтому в этом письме я не стану добавлять обращение и подпись.

Жду дня, когда мы встретимся вновь».

Почему у меня такие воспоминания? Потому что я никогда не встречал такого человека, как ты.

С самого появления на свет во мне не было ничего, что стоило бы вспоминать.

Голодные годы. Скитания с семьёй. Вечный голод, измождённые лица. Потом меня обменяли на чужого ребёнка — чтобы хоть как-то выжить. Ради последних остатков человечности они не ели своих.

На самом деле смерть не так уж страшна. Но чувство, когда знаешь, что смерть приближается, а сделать ничего не можешь, — его я не забуду никогда. Как можно забыть этот страх, сжимающий горло?

Меня привязали к холодному камню. Я смотрел на серое небо, слушал, как точат нож, как кипит вода, как трещит в огне дерево. А потом, с каждым шагом, запах смерти становился всё гуще. В конце сверкнуло лезвие — ослепительно яркое — и провело по горлу. Воздух хлынул из разрезанной трахеи, вынося с собой кровь и пару пузырьков.

Было больно. Но недолго. Сознание растворилось.

Впрочем, как оказалось, те ощущения не были такими уж глубокими — по крайней мере, новый «я» их не помнил. Если бы я не увидел, как расчленяют моего близнеца, я, возможно, так и шёл бы по пути добродетели.

Конечно, если бы тот не получал такого наслаждения от процесса — от вида ребёнка, от самого расчленения, — я бы не дождался спасения, семьи и полиции. Но все ощущения Эйда передавались мне без искажений. И даже ярче. Я видел каждую перемену на его лице, и боль не мешала восприятию.

Крики ужаса были бесполезны. Рыдания не вызывали сострадания. Жёлтая жидкость, вытекающая из нижней части тела, лишь возбуждала его ещё сильнее, заставляя смеяться и тряситься. Мольбы и сопротивление были тщетны — он находился на вершине силы.

Он сделал несколько надрезов на лице Эйда, наблюдая, как из ран сочится кровь. Ему было мало. Тогда он принялся отрубать Эйду пальцы, один за другим, и показывал их перед его бледным, искажённым ужасом и болью лицом, получая от этого достаточно удовольствия, прежде чем раздался характерный хруст.

Затем он методично отделил все части тела, ввёл гель и разложил их на полу.

Я не знаю, какая психология у каннибала-убийцы. Но знаю, что моя собственная психика от увиденного перекосилась. Превращение из охваченного страхом в спокойного наблюдателя поразило даже меня. Но я твёрдо знал одно: я не хочу быть как Эйд. Не хочу быть скотом на убой, не способным сопротивляться.

Жизнь медленно уходила из глаз Эйда. В конце, возможно, от боли или от потери крови, он просто лежал с открытыми глазами, позволяя тому делать что угодно. Наконец, тот отрубил

ему голову. Кровь забрызгала всё вокруг.

Он срыгнул. Затем поднял окровавленную голову, подошёл к столу, открыл ящик, достал новый гель и ввёл его в основные сосуды. Выбросив шприц, он взял более острый нож и аккуратно снял кожу с головы. Без кожи лицо уже не так походило на моё.

Но цвет был отвратительным.

Он ненадолго вышел, потом вернулся с большим аквариумом, наполненным прозрачной жидкостью. Опустил туда кожу с волосами — каштановые пряди расплылись в воде. Затем поместил туда же вынутые глазные яблоки — и я понял, что даже узкие глаза имеют круглые зрачки.

Он снял черепную крышку, грубо вытащил мозг, а затем разложил мясо с лица на блюде, изящно оформив композицию. Закончив, он принялся разделять кости и складывать их в аквариум.

Закончив, он, казалось, устал. Он подошёл ко мне, отрубил мне правую руку, затем занёс нож для левой — и в этот момент полиция ворвалась внутрь и застрелила его.

И тогда я вспомнил свою прошлую жизнь. И поклялся, что у меня будет сила. Что я буду на вершине.

Чтобы убивать таких уродов, я прочёл множество книг, изучил тонны дел, затем выучился на судмедэксперта. Узнав всевозможные методы убийства и имея за плечами годы медицинской практики, анатомии и общения с полицейскими, которые делились неизвестными широкой публике деталями, я начал свою карьеру убийцы.

Убивать, избавляться от тел — для меня это стало проще, чем пить воду. Поэтому я обратился к искусству убийства: каждый раз новый метод, каждый раз разные препараты.

И до самой смерти меня так и не поймали.

В следующей жизни я видел, как мой отец убил мать, а затем изнасиловал сестру. Поэтому я взял нож для суши и вонзил ему в сердце, пока он был занят, после чего сбежал с сестрой.

И продолжал убивать. Всякого, кто обижал меня или сестру, невзирая на тяжесть проступка. А потом снова бежал.

И в процессе этого ко мне постепенно возвращались воспоминания об убийствах из прошлой жизни. Это было... возбуждающе.

У меня не было шанса стать хорошим. Этот мир не заслуживал моего доверия.

Да. Этот мир состоял из одной лишь тьмы.

В следующей жизни меня продала торговцам людьми любовница отца. Жаль, что воспоминания вернулись не сразу — иначе мне не пришлось бы днями напролёт просить милостыню на улицах, возвращаться в притон для побоев, голодать и спать на холодном каменном полу. Лишь однажды, когда меня избили почти до смерти, в голове вдруг всплыло всё: как убивать, как избавляться от тел, как скрываться.

И я убил их всех.

<http://bllate.org/book/16276/1465372>